

«Эстетика словесного творчества» Бахтина: современная рецепция и проблема внутреннего единства

Н. Д. ТАМАРЧЕНКО

Кажется самоочевидным, что серьезное освоение идей и научного языка такого ученого, как М. М. Бахтин, невозможно без тщательного и систематического изучения его текстов. И если на протяжении уже почти полувека это делается крайне редко, то мы вправе предположить, что читателям, даже и специально занимающимся изучением его творчества многое в этих текстах кажется непонятным и остается не понятным.

Отсюда и постоянно всплывающая тема «загадок» Бахтина и попытки разгадать их с помощью соотнесения с историческими условиями, с биографией и реконструируемой психологией ученого или с трудами (более понятными) его современников и т. п. Конечно, исторический и/или биографический контекст идей философа и филолога может многое в них объяснить. Но не получится ли в результате попытки объяснить текст из его контекста (даже если последний правильно установлен) сведения еще неизвестной и не понятой «научной воли» (перифразируя высказывание самого Бахтина по аналогичному поводу) к другой — давно уже близкой и понятной?

Не следует ли нам *для начала* выявить «освещающую» роль различных текстов Бахтина друг для друга? Если в различных работах ученого в разных аспектах или под разными углами зрения рассматриваются одни и те же явления и проблемы, то не поможет ли нам сравнение лучше понять его мысль? И не лучше ли соотносить тот или иной отдельный текст с контекстом на следующем этапе, когда станет ясно, что же именно мы хотим сравнивать, и есть ли серьезные основания для сравнения?

Да, скажут нам. Это, вероятно, было бы правильно, если бы не то обстоятельство, что все эти тексты Бахтина друг с другом совершенно не связаны. Но откуда же это известно, если они (тексты) практически не изучаются? Если отношение к ним строится по формуле: «Кто же не знает, что..?». И всякий, кто дорожит своей научной репутацией, поспешит, конечно же, признать, что ему известно то же самое, что и всем.

Таким образом, в интересующей нас области знаний существует порочный круг. Видимо, поэтому «бахтинология» в последние годы совершенно отвернулась от текстов Бахтина и от вопросов об их смысле, активно занявшись вопросом: кто их, собственно, написал и кому, стало быть, принадлежит большая часть связанных с ними заслуг и, соответственно, почестей.

Беру на себя смелость попытаться проанализировать сложившуюся научную ситуацию и поискать выход. В центре внимания при этом будут идеи Бахтина в области «эстетики словесного творчества», т. е. поэтики, построенной на философских основаниях. И, разумеется, речь идет исключительно

но о постановке проблемы, дискуссионность которой я вполне сознаю.

1. Современная рецепция творчества Бахтина: факты и факторы

В последние десятилетия слово «поэтика» в России употребляется в самом широком и неопределенном значении («поэтика террора», «поэтика культуры» и т. п.), причем гораздо чаще, чем в своем **собственном прямом смысле**. Но мы будем рассматривать как раз те идеи, ту терминологию и систему понятий Бахтина, которые относятся к области *научной* (т. е. не «нормативной», не предписывающей правила создания литературных произведений) поэтики как *специальной литературоведческой дисциплины*. Впервые в таком качестве она была разработана у нас А. Н. Веселовским и А. А. Потебней, а вслед за тем — формалистами.

Другой вопрос — насколько исследования Бахтина по этой дисциплине *одновременно и выходят за её пределы*, установленные в особенности русским формализмом. Иначе говоря: в какой мере и каким образом теория словесного художественного творчества у Бахтина возвращается к тому симбиозу поэтики с философской эстетикой, который был присущ некоторым периодам предшествующего развития этой теории, начиная с Платона и Аристотеля?

В своем прямом значении выражение «поэтика Бахтина», по-видимому, было впервые использовано в печати мною — еще в 1996 году¹. Замечу, кстати, что я пока не встречал никаких возражений на основные тезисы этой статьи. Однако восприятие и особенно оценка идей Бахтина, сложившиеся в последние два десятилетия, таковы, что разговор о его поэтике может более, чем когда-либо, показаться совершенно неоправданным.

1

За это время приобрели широкую популярность и получили безусловное признание идеи, *исключающие* серьезное и ответственное отношение к Бахтину как литературоведу, которое было характерно для 1960-х — первой половины 1980-х гг. Эти идеи утвердились настолько, что, как правило, принимаются за окончательную истину, не требующую никакой аргументации: по причине, как представляется многим, своей полной самоочевидности². По крайней мере, — для всех, кто не хочет отстать от новейшей научной моды либо опасается зачисления в ретрограды.

Попытаюсь вкратце изложить **основные установки** такой новейшей и чрезвычайно влиятельной рецепции Бахтина:

1. Его следует считать *не литературоведом, а философом*, который лишь

¹ Тамарченко Н. Д. Поэтика Бахтина: уроки «бахтиологии» // Изв. РАН. Сер. лит-ры и яз. 1996. №1. С. 3—16.

² Ср.: «... четырнадцать признаков “мениппей” как жанра отчасти повторяют друг друга, в ряде случаев находятся в отношениях дополнительной дистрибуции и под них в конце концов можно “подвести” практически любой текст» (Попова И. “Мениппова сатира” как термин Бахтина // Вопросы литературы. 2007. №6. С. 102. Далее при ссылках на этот журнал — ВЛ). Выше (с. 88) это же мнение изложено как общепринятое и самоочевидное. Видимо, поэтому определение мениппеи Бахтиным вообще не приводится и не анализируется. Ни о какой попытке проверить, действительно ли под упомянутые признаки «можно подвести практически любой текст» (а стоило бы попробовать проделать эту увлекательную операцию хотя бы с текстом «Войны и мира»!), также нет и речи.

под влиянием неблагоприятных социальных и политических условий и обстоятельств советской эпохи вынужден был излагать свои идеи в *неадекватной* для них *форме* литературоведческих исследований.

Такое убеждение привлекает умы настолько, что оно объединило, например, Вадима Кожина и Михаила Гаспарова, во всем прочем, как известно, — непримиримых антагонистов. (Разумеется, для одного из них сформулированный тезис имел знак плюс, а для другого — минус).

2. Исследования Бахтина, в первую очередь его книги о Достоевском и Рабле, строятся *не на научных понятиях, а на метафорах*.

Скажем, слово «сюжет» означает в них совсем не то, что у литературоведов, будучи знаком-заместителем неких сугубо философских значений (Н. Бонеевская). Иногда такого рода «иносказания» смело расшифровываются. Например, «полифонию» объявляют всего лишь *эвфемистической* (в условиях советской цензуры) заменой других, отнюдь не филологических понятий: «соборности» в одном варианте (И. Есаулов и др.), «плюрализма» — в другом. Под именем же «карнавальной культуры» скрывается, по мнению многих, нарисованная Бахтиным картина подлинного отношения народа к сталинскому режиму.

В этой идее метафоричности, точнее — иносказательности текстов Бахтина также сходятся его читатели самых разных, иногда прямо противоположных идеологических ориентаций и различных профессиональных занятий. Например, с одной стороны, — некоторые «бахтинологи»; с другой, — многие специалисты по Достоевскому. Особенно те, кто пишет в последние годы о «христианском реализме» этого писателя, т. е. о его *идеологии*, характеристика которой при этом выдается за описание поэтики произведений.

3. Отсюда современное отношение к книгам «Формальный метод в литературоведении» и «Марксизм и философия языка», которые никак нельзя считать завуалированным или иносказательным изложением философских идей: их **специальный** (*филологический*) характер слишком очевиден. Речь идет о новейшей тенденции считать, что названные филологические работы не только не написаны Бахтиным, но даже им *не инспирированы*, т. е. целиком, с начала и до конца самостоятельно задуманы и созданы Павлом Медведевым и Валентином Волошиновым.

Показательно, что по отношению к названным двум книгам в 1960-е — 1970-е годы господствовало *доверие* к свидетельствам об авторстве Бахтина тех ученых (Вяч. Вс. Иванова и С. Г. Бочарова), которые его лично и достаточно близко знали и которые пользуются заслуженным авторитетом — не только научным, но и нравственным. Очевидной представлялась тогда и несоизмеримость научного уровня и масштаба личности Бахтина с фигурами формальных авторов этих книг.

В последние же два десятилетия картина радикально изменилась: возобладавало, напротив, *недоверие* к этим свидетельствам и не подкрепленное сколько-нибудь серьезными доказательствами противоположное убеждение. Точнее сказать — страстное верование. Ведь если признать, что основные идеи этих книг, а может быть и сами тексты принадлежат Бахтину, хотя они изданы под другими именами, новейший подход к работам ученого окажется крайне сомнительным.

Штудии на уже пресловутую тему «круга» или «школы» Бахтина в послед-

ние годы становятся все более модными и все более радикальными по своим выводам. Их конечная цель — доказать, что в рамках, определенных этими двумя выражениями, роль ученого как генератора идей, как ведущего и влияющего на других философа и теоретика искусства сильно преувеличена³; что на эту роль вполне могут претендовать его друзья 1920-х гг. П. Н. Медведев и В. Н. Волошинов.

4. Наконец, сформулированные тезисы не могли бы приобрести такую популярность, если бы не поддерживались еще одним соображением. Речь идет о категорическом, хоть и не имеющем достаточных обоснований, *отрицании внутренних связей между идеями, терминами и понятиями*, содержащимися в известных работах Бахтина. Господствует представление об исключительной тематической пестроте и фрагментарности его научного творчества.

Подчеркну: я отнюдь не ставил перед собой задачу изложить и охарактеризовать даже и самые репрезентативные современные высказывания о Бахтине. Я лишь попытался выявить и сформулировать те устойчивые и при этом — в значительной мере — *априорные предпосылки* новейшего восприятия его идей, которые определяют основной (с точки зрения нашей темы, разумеется) *вектор* этого восприятия: недопущение даже и мысли о том, что существует «поэтика Бахтина». Стоит обратить особое внимание на то, что изложенные предпосылки — не отдельные, разрозненные и значимые сами по себе положения, а внутренне связанный и цельный идеологический комплекс.

Такой комплекс идей складывался в России, начиная с эпохи перестройки, под воздействием двух основных, причем *прямо противоположных* факторов. Это, с одной стороны, — растущая популярность постструктурализма и деконструкции; с другой, — все более настойчивые попытки *вернуть* русское литературоведение в лоно одной и единственной авторитетной идеологии — на сей раз ортодоксально-религиозной. В сущности, это было **размывание границ научности** — с двух разных сторон.

Поэтому обеим идеологическим экспансиям в область филологии противостояло стремление таких ученых, как Михаил Гаспаров, выстроить китайскую стену между *философией* (обреченной, с его точки зрения, на «художественность» и, соответственно, — вымысел) и *позитивной* (т. е. «настоящей», опирающейся на бесспорные факты) *наукой*⁴.

В пылу идейной борьбы оказался, однако, вне поля зрения тот общеиз-

---

³ Тамарченко Н. Д. Показательная аннотация вышедшего в 2004 г. в Манчестере сборника статей «Бахтинский круг: в отсутствие Мастера», в которой сообщается, что «достижения Бахтина преувеличены пропорционально умалению мыслителей, с которыми он контактировал в 1920-х гг.». См.: Васильев Н. Л. «Круг Бахтина» или Квадратура круга. The Bakhtin Circle: In the Master's Absence / Edited by C. Brandist, D. Shepherd, D. Tihanov. Manchester; N. Y.: Manchester university Press, 2004 // Новое литературное обозрение. 2006. №78. С. 408. Интересно бы узнать, используется ли какой-нибудь объективный критерий (и какой именно!) оценки того, что «преувеличено», а что «умалено», когда пытаются, как это ныне принято, заменить прежние «пропорции» на прямо противоположные?

⁴ Чуть не единственный случай серьезных и убедительных возражений против гаспаровской антинормии философского «творчества» и филологического «исследования» — статья С. Бочарова «Бахтин-филолог: книга о Достоевском» (ВЛ. 2006. №2. С. 48—67). См. также: Тамарченко Н. Д. Актуальность Бахтина (Полемические заметки) // Филологический журнал. 2006. №2 (3). С. 179—186. Между прочим, этот тезис М. Л. Гаспарова — не что иное, как парафраз суждения Н. М. Минского: «Наука раскрывает законы природы, искусство творит новую природу» (См.: Критика русского символизма. Т. 1. М., 2002. С. 26). Только оценка соотношения науки с её антиподом у двух авторов противоположна.

вестный факт, что европейская поэтика в ходе своей истории неоднократно выступала в тесном союзе с философией. Это было и в момент её рождения (у Платона и Аристотеля), и на рубеже XVIII-XIX веков (у Шеллинга и Гегеля, Гете и Шиллера) и, наконец, в эпоху символизма — например, у Ницше, Вяч. Иванова и Андрея Белого, оказавших на Бахтина наиболее непосредственное и сильное влияние.

Обрисованный исторический контекст, на мой взгляд, объясняет как причины массового и крайне резкого (иногда — ожесточенного) отталкивания от идей Бахтина в последние два десятилетия, так и огромное воздействие перечисленных установок восприятия этих идей на современное, если можно так выразиться, *научное подсознание*.

Эти установки действуют как истины, уже окончательно проверенные (хотя их никто не проверял) и авторитетные настолько (это, в особенности, — авторитет академика М. Л. Гаспарова), что требование доказательств многие считают свидетельством в лучшем случае неосведомленности, а в худшем — злонамеренности. На почве такого рода *априорных* умонастроений любая более или менее умелая и достаточно эмоциональная риторика покажется неизмеримо убедительнее любой спокойной научной аргументации.

И все же возникают определенные сомнения.

2

Во-первых, почему нам следует соглашаться с тем, что любые литературоведческие термины Бахтина не являются таковыми, скрывая в себе чисто философские или религиозно-философские значения? Для того чтобы всерьез аргументировать подобное утверждение, необходимо сначала *полностью и тщательно изучить* бахтинский «тезаурус». Но никто из тех, чьи мнения я приводил, такой работой никогда не занимался.

Попытки **систематического** (подчеркиваю) изучения терминов и понятий Бахтина были в 1990-е годы в России (Москва, РГГУ), а также, насколько мне известно, в Англии (Шеффилд, исследования группы Д. Шепарда), в США (В. Ляпунов) и Канаде (А. Садецкий). Но ни общественной поддержки, ни широкого резонанса они не получили. И все же возникло несколько работ на эту тему, выполненных по строгой лингвистической методике. В одной из них показано, например, что все известные нам случаи употребления Бахтиным термина «полифония» неукоснительно сохраняют определяющие признаки обозначенного этим словом весьма точного и строгого музыкаловедческого понятия⁵.

Во-вторых, вызывает большие сомнения обоснованность суждений (весьма безапелляционных) некоторых специалистов по Достоевскому, согласно которым книга Бахтина о романах писателя, в сущности, не научна, а художественна («сплошь метафорична»). Ведь это утверждают как раз те самые литературоведы, которые в своих собственных трактовках произведений великого романиста следуют за религиозно-философской критикой рубежа XIX-XX вв. А самой этой критике метафоричность манеры изложения

---

⁵ См.: Магомедова Д. М. Полифония // Бахтинский тезаурус. Материалы и исследования. М., 1997. Ср.: Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 174—176.

была в высшей степени свойственна (достаточно вспомнить книгу Бердяева о миросозерцании Достоевского).

Кроме того, литературоведы, отрицающие научность упомянутого исследования Бахтина, повторяют в своих работах те самые попытки интерпретировать смысл художественных произведений Достоевского на основе *идей их персонажей*, которые этот ученый в свое время оспорил. Но ведь он-то и показал, что интерпретации такого рода **не научны**, поскольку они не учитывают принципиальное различие между *жизненной* идеологической позицией героя и *эстетической* (т. е. «внежизненной») позицией автора. Должны ли мы принимать упреки Бахтину в недостатке строгой научности со стороны такого литературоведения, которое Сергей Бочаров метко назвал «благочестивым»?

В-третьих, заслуживают ли столь безоговорочной поддержки новейшие попытки полностью приписать специальные филологические работы, связанные с ранним Бахтиным, Медведеву и Волошинову⁶?

Какими бы мотивами ни руководствовались сторонники этой очередной «переоценки ценностей» — стремлением ли создать сенсацию (что, безусловно, удалось) или же восстановить историческую справедливость (в их своеобразном понимании) — они проявляют при этом слишком явную и необъяснимую, на первый взгляд, узость и пристрастность. Ведь рядом с Бахтиным в те же самые годы были и другие люди, отнюдь не менее ему лично близкие и к тому же куда более талантливые, чем Медведев или Волошинов.

Это замечательный и образованнейший литературовед Л. В. Пумпянский⁷ (к тому же объявивший в 1922 г. о намерении издать «очерк критики формального метода»⁸). Это, далее, столь серьезный философ, как М. И. Каган (кроме него и Бахтина никто из участников «круга» или «школы» собственноручно философских трудов не писал)⁹, и такой выдающийся музыковед, как И. И. Соллертинский, знаток европейских языков и литератур, в особенности истории драмы и народного театра¹⁰.

Отчего же никто не пытается приписать труды Бахтина этим его трем друзьям: хотя бы объявить их тоже «соавторами», чьи имена почему-либо на книгах не поставлены? На это есть, по-видимому, две причины.

Первая: их весьма высокая научная репутация, безусловно, самостоятель-

---

⁶ Показательно суждение объективного наблюдателя: «...точное участие Медведева или Волошинова в разработке представленной здесь теории до настоящего времени определенно не доказано» (*Ковальски Э. Скрытые формалисты или виднейшие критики формальной школы? // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2001. №1. С. 89*). Далее при ссылках на это издание используется распространенное сокращение — ДКХ.

⁷ Неоспоримо более значительный, чем П. Н. Медведев. Благодаря недавно переизданным основным его работам это совершенно очевидно. По крайней мере, для специалистов.

⁸ См.: *Николаев Н. И.* О теоретическом наследии Л. В. Пумпянского // *Контекст-1982*. М., 1983. С. 294.

⁹ О близости философских идей М. М. Бахтина и М. И. Кагана, а также о связи обоих мыслителей «с поздней фазой философии марбургской школы» см.: *Пул Б.* «Назад к Кагану» // ДКХ. 1995. №1. С. 38—48.

¹⁰ Важнейшие для Бахтина термины «полифония», «полифонический роман» имеют, как известно, музыковедческое происхождение. И. И. Соллертинский, использовавший, между прочим, термины «монологический» и «диалогический» симфонизм, — автор работ об эстетике романтизма, о Шекспире и европейском гаметизме, о Мопассане. См.: *Соллертинский Е. Е.* Избр. статьи о музыке. Л.; М., 1946; Памяти И. И. Соллертинского. Воспоминания, материалы, исследования. Л.; М., 1974. (Благодарю за указание на эти детали и источники Д. М. Магомедову). Впрочем, в упомянутый выше манчестерский сборник вошла и статья о Соллертинском.

на (т. е. существует и помимо отношений с Бахтиным) и вполне определена. Понятно, что они могли написать, а что нет; тогда как совершенно неясен в этом отношении Волошинов, а отчасти и Медведев, весьма неожиданно опубликовавший после книги о Блоке книгу о Демьяне Бедном.

Вторая: поставить чужое имя на своей книге можно было ведь и потому, что на этот дружеский жест предполагался ответ в виде помощи в издании другой книги (скажем, о Достоевском). Такое соображение никак нельзя сбрасывать со счетов. Но ни один из названных трех ученых такими возможностями явно не располагал. Зато известны весьма большие возможности в этом отношении не только Медведева, но даже и Волошинова — судя по дневнику О. М. Фрейденберг¹¹.

Оборотная сторона происходящей «переоценки ценностей» — стремление понизить значимость трудов, безусловно принадлежащих Бахтину (изданных под его именем)¹². Для этого используется новейшая, опять-таки, версия о его неспособности вообще написать какой-либо связный и продуманный, достаточно большой по объему текст. Он, якобы, испытывал отвращение к писательству¹³ и мог сочинять поэтому исключительно краткие фрагментарные записи: тут-то ему и приходили на помощь В. Н. Волошинов и/или П. Н. Медведев (что, по мнению одного из наиболее радикально настроенных «бахтиологов», и произошло с книгой о Достоевском)¹⁴.

Отсюда же и демонстративное недоверие некоторых из подобного рода исследователей к свидетельству Бахтина о его пропавшей книге, посвященной европейскому роману воспитания: не было, дескать, такой книги, и не мог он её написать. Книга, однако же, была, о чем свидетельствуют опубликованные Н. А. Паньковым сравнительно недавно её план-проспект (в рукописи — 45 машинописных страниц) и письмо автора к редактору с указанием общего объема монографии — 10—12 п. л.¹⁵

Читатель, конечно, может вспомнить по этому поводу не только книгу о Рабле (имеющую в 1,5 раза больший объем, чем монография о Достоевском), но и столь обширные, состоящие каждая из нескольких глав, работы (почти книги), как «Слово в романе», «Формы времени и хронотопа в романе». Все они были написаны тогда, когда какая-либо помощь Бахтину со стороны двух ученых, настойчиво именуемых его равноправными соавторами, а то и просто авторами его книг, по объективным обстоятельствам была уже

---

¹¹ Известная запись О. М. Фрейденберг о предложении Волошинова писать для него книги, за что он будет её «продвигать», полно и точно приведена и всесторонне прокомментирована Н. В. Брагинской. См.: *Брагинская Н. В.* Между свидетелями и судьями. Реплика по поводу книги: В. М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2005 // <http://ivgi.rshu.ru/?article.html?d=207419> (доступ свободный).

¹² Вот она, логика изменения традиционных «пропорций»!

¹³ Примерно четверть века назад были впервые опубликованы воспоминания Б. Ф. Егорова о том, как к Бахтину пришли польские журналисты с магнитофоном и как он пытался уклониться от интервью, говоря: «Давайте я вам лучше что-нибудь напишу». См.: *Егоров Б. Ф.* Слово о Бахтине // *Бахтинский сб.* I. М., 1990.

¹⁴ См.: *Алпатов В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005. С. 117. Отчего бы, кстати, и здесь не вспомнить о Соллертинском, писавшем и литературоведческие труды, в частности, о Достоевском? (См. в книге избранных его статей о музыке, напр., с. 104, 118, 126 и др. ; в сборнике «Памяти И. И. Соллертинского» — по указателю).

¹⁵ См.: *Паньков Н. А.* М. М. Бахтин в материалах личного архива В. В. Залесского // ДКХ. 2003. №1—2 (39—40). С. 129—161.

совершенно исключена¹⁶.

3

Что же именно в рассмотренном комплексе идей, который определяет характер современной рецепции трудов Бахтина, следует считать доминирующим началом или ведущим «конструктивным фактором»?

Полагаю, что эту роль играет приведенный выше четвертый тезис об отсутствии в его научном творчестве внутренней цельности и единства, о том, что все, созданное этим ученым, — различные фрагменты (любой величины), написанные по разным случаям совершенно независимо друг от друга. Ведь эта идея высказывалась задолго до того, как началась недостойная возня вокруг авторства работ Бахтина, широко рекламируемая ныне её инициаторами.

Но это представление на самом деле прямо связано с вопросом об авторстве¹⁷ — в частности, столь значимой для теоретической поэтики книги «Формальный метод в литературоведении»: если в ней присутствуют те же взаимосвязанные идеи и понятия, которые есть в «бесспорных» и *притом более ранних* текстах Бахтина и которых нет в столь же бесспорной и *более поздней* книге П. Н. Медведева «Формализм и формалисты», к подробностям биографии обоих ученых можно не обращаться¹⁸.

Наконец, вопрос о возможной близости и родстве между системой понятий «эстетики словесного творчества» и религиозной философией Серебряного века (в свою очередь, опирающейся на большие европейские традиции) также соотносится с проблемой авторства тех, близких Бахтину, работ, которые изданы под другими именами.

Ведь предположения об авторстве Бахтина вызываются следующей их главной особенностью: каков бы ни был специальный предмет «спорных» статей или книг — «социологическая поэтика» («Формальный метод в литературоведении») ¹⁹, «социологическая наука о языке» («Марксизм и философия языка») ²⁰ или социальная психология («Фрейдизм») — совершенно осо-

---

¹⁶ О том, какую аргументацию готовы использовать «бахтинологи», стремящиеся «развевать миф о Бахтине как единственном генераторе научных идей, становившихся известными публике благодаря трудам его друзей и единомышленников (прежде всего Медведева и Волошинова)», (а что, если эти «труды» сводились к согласию поставить свое имя на чужой книге?) свидетельствует рецензия Н. Л. Васильева, на которую мы уже ссылались. В её финале (с. 413) автор сетует на то, что Бахтин прожил намного дольше, чем другие из пресловутого «круга» — аж до 1975 г., почти до 80 лет, а то бы еще неизвестно, чьим бы именно этот самый «круг» теперь считался, «переживи те же В. Н. Волошинов, П. Н. Медведев, Л. В. Пумпянский своего младшего товарища» (кстати, Волошинов был ровесником Бахтина, а двое других — старше его на 3—4 года). Видимо, увлекшийся хронологией Н. Л. Васильев забыл, что все основные работы Бахтина, сделавшие его в глазах мирового научного сообщества тем, что он есть, были написаны в 1920-е — 1930-е гг., включая теорию романа и книги о Рабле и о романе воспитания, и что в 1940 году ему было не 80 лет, а всего-навсего 45. Что же делать? Чтобы «развевать миф» приходится идти на жертвы...

¹⁷ Ср. замечание о «двух противоречащих друг другу вопросах в бахтиноведении: 1)... об авторстве... 2)... под каким углом зрения следует рассматривать деятельность Бахтина: как неуклонное развитие определенного корпуса идей или же как цепь резких и неожиданных поворотов. Оба вопроса, конечно же, внутренне связаны между собой, хотя в литературе о Бахтине они обычно рассматриваются отдельно» (Томсон К. Диалогическая поэтика Бахтина // ДКХ. 1994. №1. С. 64). Ср.: *Балабанова И. Н.* Бахтин и маски: проблема автора // The seventh International Bakhtin Conference. В. 1. Moscow, 1995. P. 64.

¹⁸ Сопоставление проведено мною в статье: М. Бахтин и П. Медведев: судьба «Введения в поэтику» // Вопросы литературы. 2008. №5. С. 160—184.

¹⁹ Далее — ФМЛ.

²⁰ Далее — МФЯ.

бое впечатление на читателя производит их философская оригинальность и глубина, столь редко встречаемые в подобного рода специальных работах.

Между тем, если серьезные познания и интересы Пумпянского и — под его влиянием — Соллертинского в области философии достаточно известны, то ни Медведев, ни Волошинов, судя как по известным документам, так и по публикациям, им безусловно принадлежащим, не дали ни малейшего повода заподозрить их в попытках самостоятельно решать сложные философские вопросы²¹.

Отметим в этой связи, что текстов, *бесспорно принадлежащих* В. Н. Волошинову и при этом имеющих отношение к «эстетике словесного творчества», насколько известно, пока вообще не обнаружено. Тут возможно, по видимому, лишь сопоставление книги МФЯ с работами на те же темы «позднего» Бахтина. Такое сравнение с целью решить проблему авторства уже предпринято, о чем я скажу несколько позже.

Вопрос же об авторстве ФМЛ все еще рассматривается почти исключительно в плоскости биографической, а иногда даже решается на основе оценки различной «весомости» мнений, высказанных «за» и «против».

Так, в одной из новейших публикаций *утвердительные* суждения об авторстве П. Н. Медведева устаиваются, соответственно, высоких оценок степени своей достоверности и авторитетности. Это мотивировано не только близостью в данном случае мнений реферируемых авторов реферирующему, но также высоким официальным статусом некоторых из них (правильного мнения придерживается, скажем, не кто-нибудь, а «вице-президент международного общества Достоевского» и «профессор»). Точно так же в качестве авторитетных упоминаются любые *отрицательные* отзывы на работы тех, кто пытается отстаивать иное мнение (например, изучать тезаурус работ Бахтина не следует: ведь такой-то литературовед уже сказал в своей статье, что это — «сизифов труд»). Многие из сторонников правильной точки зрения публикуют свои исследования за рубежом, на английском языке, что явно повыша-

---

²¹ См.: *Николаев Н. И.* Невельская школа философии (М. Бахтин, М. Каган, Л. Пумпянский в 1918—1925 гг.: По материалам архива Л. Пумпянского) // М. Бахтин и философская культура XX века. Вып. 1. Ч. 2. СПб., 1991. С. 31—51.

²² Как свидетельствует специальное, основанное на документах исследование активной и обширной деятельности П. Н. Медведева витебского периода (общественной, журналистской и преподавательской), на его попутные занятия в области теории литературы повлияло сближение с проф. С. О. Грузенбергом. О том, как именно П. Н. Медведев представлял себе тогда эту дисциплину, свидетельствует его заявление о желании взять на себя чтение лекций по теории литературы в связи с тем, что он подготавливает «в настоящее время специальный труд по теории и психологии творчества» (заметим, что ни о какой *психологии творчества* в ФМЛ ничего не говорится). См.: *Лисов А. Г.* П. Н. Медведев в Витебске // ДКХ. 2000. №2. С. 96, 115. Перебравшись в Петроград в 1922 г., «П. Медведев по-прежнему увлечен главным образом преподавательской и культурно-просветительной деятельностью» (Конкин С. С. Михаил Бахтин (критико-биографический очерк) // Проблемы научного наследия М. М. Бахтина. Саранск, 1985).

В. Н. Волошинова, правда, один из исследователей его биографии в самом начале и в самом конце своей статьи называет «философом», но лишь на основании существующих мнений о книге МФЯ, принадлежность которой этому автору он как раз и собирался доказать. См.: *Васильев Н. Л.* Творчество и личность В. Н. Волошинова в оценке его современников // ДКХ. 2000. №2. С. 33, 53.

Таким образом, основанное на личных впечатлениях утверждение Л. Я. Гинзбург «не могли они так глубоко писать. Это же были примитивные люди», а вот «Пумпянский — другое дело» (см.: Баяевский В. С. Две страницы из дневника // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. СПб., 1995. С. 10—11), полностью остается в силе.

ет её (точки зрения) убедительность. Вопрос же о том, известны ли этим исследователям тексты Бахтина, Медведева и Волошинова в оригинале или же в плохих английских переводах (о них говорили В. Ляпунов и А. Садецкий) при этом не ставится: видимо, для установления авторства текстов знание их в оригинале считается совершенно не обязательным²³.

Обратим внимание еще на одну сторону проблемы. Известен ряд неоспоримо принадлежащих Бахтину работ, гораздо более поздних, но *ничуть не менее специально-филологических*, чем книги, изданные под именами Медведева и Волошинова. Это литературоведческие исследования «Формы времени и хронотопа в романе», «Эпос и роман» и некоторые другие. Это также работы, в основном лингвистические или «металингвистические»: «Слово в романе», «Проблема текста» и «Проблема речевых жанров». (Конечно, наряду со своей *специальной* направленностью *все* только что названные труды ученого имеют и другой, *культурфилософский* аспект).

Те, кто видит в Бахтине нестрого мыслящего философа-эссеиста (способного лишь на сочинение набросков и фрагментов), которому в специальных областях литературоведения и лингвистики, якобы, очень помогли более компетентные в них Медведев и Волошинов, сталкиваются со следующей альтернативой. Сравнение «спорных» ранних работ ученого с бесспорными поздними либо ставит сравнивающих в положение, из которого не удается найти хоть сколько-нибудь убедительный выход (так обстоит дело с литературоведческими текстами)²⁴, либо вынуждает отказываться от радикальных суждений об авторстве (в случае с текстами лингвистическими)²⁵.

4

Такова на самом деле степень «достоверности» и «аргументированности» влиятельных в наши дни суждений о Бахтине, не допускающих и мысли о систем-

²³ См.: *Медведев Ю.* Жертвы «внеаходимости» // ВЛ. 2009. №6. С. 163—194.

²⁴ По мнению одного из защитников тезиса «не Бахтин, а Медведев», решившегося на такое сравнение, поздний Бахтин развивал формалистические идеи о жанре, давно опровергнутые в книге П. Н. Медведева. См.: *Захаров В. Н.* Проблема жанра в «школе» Бахтина (М. М. Бахтин, П. Н. Медведев, В. Н. Волошинов) // Русская литература. 2007. №3. С. 30.

²⁵ Так, В. М. Алпатов по поводу МФЯ предположил, что «общая концепция» этой книги была разработана «в первую очередь Бахтиным», но «применялась к лингвистическому материалу вместе с Волошиновым, которому, вероятно, принадлежит основная часть текста книги». Однако в результате характеристики лингвистических идей позднего Бахтина тот же исследователь приходит к иному выводу: «Явно прослеживается идейная общность всех этих работ, но она естественна и в случае развития Бахтиным своих идей (в том числе перенесенных на бумагу соавтором), и в случае учета им идей покойного друга» (*Алпатов В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. С. 117, 288).

Этот второй вывод приравнивает два противоположных решения проблемы авторства, тогда как прежде аргументом в пользу авторства Волошинова служила высокая оценка его знаний в области лингвистики: «Профессиональным лингвистом там был только Волошинов» (с. 117). Уж не эти ли специальные познания (даже если юрист по образованию приобрел их за два года доучивания в Петроградском университете) помогли ему стать автором книги «Фрейдизм»? (Ср.: там же. С. 82). Кстати, если учесть, что весной 1921 г. Бахтин собирался читать в Орловском университете курс общего языкознания (см.: *Каган Ю. М.* О старых бумагах из семейного архива (М. М. Бахтин и М. И. Каган) // ДКХ. 1992. №1. С. 66—67, 75), вряд ли он так уж нуждался в профессиональных знаниях В. Н. Волошинова в области лингвистики.

В противовес попыткам разделить «общую концепцию» языка у Бахтина и её «применение к лингвистическому материалу» Л. А. Гоготишвили удалось, на наш взгляд, убедительно продемонстрировать глубинную органическую взаимосвязь (неслиянность, но и нераздельность) как этих двух аспектов труда, изданного под именем Волошинова, так и металингвистических идей «раннего» и «позднего» Бахтина. См.: *Гоготишвили Л. А.* Непрямое говорение М., 2006. С. 139—219.

ном единстве основных трудов этого автора и о принадлежности их к области поэтики, теоретической и исторической (напомню, что подзаголовок работы о формах времени и хронотопа — «Очерки по исторической поэтике»).

Что касается мнения на этот счет его самого, то задача создания **научной поэтики** была сформулирована Бахтиным еще в 1924 году, в неопубликованной тогда статье «Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве»: «Настоящая работа является попыткой методологического анализа основных понятий и проблем поэтики на основе общей систематической эстетики». И далее: «**Поэтика, определяемая систематически, должна быть эстетикой словесного художественного творчества**»²⁶.

Эти высказывания дают нам право, по меньшей мере, на гипотезу, согласно которой основные исследования Бахтина относятся к области именно так понятой научной дисциплины, границы которой очерчены, с одной стороны, философией, с другой, — лингвистикой. Но представляют ли они собою некоторое единство идей и понятий? И каким образом организовано это неэксплицированное единство, если оно, действительно, существует?

2. Проблема системного единства: два “ядра” или “двойной центр”

Эти вопросы — лишь часть более широкой дискуссионной проблемы «наличия или отсутствия в текстах» Бахтина единой «общеконцептуальной основы», проблемы, которая уже специально рассматривалась²⁷. Предлагаемое нами сужение поля исследования — до собственно поэтики, включая её философские основания — в данном случае не только оправданно, но и необходимо²⁸. Оно позволит, как мы надеемся, избежать необходимости предвратно зафиксировать «каркас общефилософской позиции Бахтина», прежде чем переходить к разработанным ученым «частнонаучным терминам»²⁹.

1

Ныне, как уже говорилось, чрезвычайно широко распространено убеждение в том, что Бахтин выражался исключительно метафорически. Мысль о «вызывающе-неточном языке» этого ученого была со всей определенностью высказана, по-видимому, впервые в известной статье М. Л. Гаспарова³⁰ и благодаря авторитету этого выдающегося филолога оказала на так называемую бахтинологию столь сильное воздействие, что за нею полностью проглядели другую мысль той же статьи (присутствующую в том же абза-

²⁶ Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 томах. Т. 1. М. 2003. С. 265, 268—269. Далее при ссылках на это издание том и страницы указываются в в тексте, в скобках после цитаты — римской и арабскими цифрами. Разрядка в текстах Бахтина при цитировании всюду заменяется — по техническим причинам — полужирным шрифтом. По другим, более ранним изданиям цитируются лишь те исследования ученого о романе, которые должны войти в неизданный пока третий том Собрания его сочинений.

²⁷ Гоготшивили Л. А. Варианты и инварианты М. М. Бахтина // Вопросы философии. 1992. №1. С. 115—116.

²⁸ И в таком плане вопрос уже ставился — в статье Н. К. Бонецкой “Эстетика М. Бахтина как логика формы” (Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. СПб., 1995. С. 51—60).

²⁹ Гоготшивили Л. А. Варианты и инварианты М. М. Бахтина. С. 121.

³⁰ Гаспаров М. Л. Бахтин в русской культуре 20-го века // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 111—114. За прошедшие годы статья неоднократно перепечатывалась в различных изданиях.

це) — об «органической цельности бахтинского мировоззрения». По причине своей авторитетности упомянутая оценка языка работ Бахтина, как правило, не подкрепляется никакой аргументацией.

В одной из работ утверждается, например, что «в контексте бахтинского творчества понятие “роман” порой приобретает характер метафоры, что, естественно осложняет попытки его строгого прочтения сторонниками четких определений, в том числе и с точки зрения классических категорий исторической поэтики»³¹.

Казалось бы, что стоит «сторонникам четких определений» рассмотреть выделенные Бахтиным (в работе «Эпос и роман») *три структурные особенности* этого жанра и сверить с ними значение термина «роман» в различных исследованиях этого автора? А что, если различные случаи употребления этого термина друг другу строго соответствуют? И еще: к числу «классических категорий исторической поэтики», надо полагать, относятся и сюжет. Есть ли основания считать, что в исследовании Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе», имеющем подзаголовок «Очерки по исторической поэтике», сюжет романа рассматривается не в традициях этой научной дисциплины? С нашей точки зрения, трактовка сюжета в исследовании — как комплекса мотивов — вполне аналогична употреблению этого термина А. Н. Веселовским.

Но если не подвергать тезис о метафоричности языка Бахтина никакому сомнению, если считать метафорами или символами и «бахтинскую концепцию слова», и «понятие карнавала», то открываются совершенно иные и, главное, ничем не ограниченные возможности обращения с текстами этого автора: ведь *расшифровка* таких «символов» целиком и полностью зависит от собственных задач интерпретатора и от его изобретательности.

Например, в работе о связи Бахтина с художественной культурой XX века можно заявить, что роман для этого автора — вовсе не литературный жанр, а «модель» современной ученому «культурной ситуации». Конечно, это породит некоторые вопросы — например: «Почему именно роман Бахтин счел моделью современной ему культуры»? И если у интерпретируемого автора ответа на один из подобных вопросов не найдется, это послужит поводом для сожалений: как видно, Бахтин — в отличие от более широко мыслящего исследователя его творчества — «таким вопросом не задавался»³².

Несмотря на «метафоричность», равно как и на другие, многократно обсуждавшиеся непривычные особенности слога Бахтина, речь в данном случае (по крайней мере, на наш взгляд) идет о науке. И, следовательно, единство творчества этого автора может быть раскрыто лишь на основе изучения его научного языка как системы понятий³³.

Однако система эта сложилась не путем развертывания и детализации не-

³¹ *Осовский О. Е.* Человек. Слово. Роман. Саранск, 1993. С. 72.

³² См.: *Богатырева Е. А.* Драмы диалогизма: М. М. Бахтин и художественная культура XX века. М., 1996. С. 67, 86—87, 102, 126.

³³ Именно этого недостает, на наш взгляд, упомянутой работе Н. К. Бонецкой. Сопоставляя концепции “формы” в ранних исследованиях Бахтина и в книге о Достоевском, автор этого исследования не анализирует само понятие “полифонический роман” как определение типа жанровой формы, оставаясь в пределах общезстетической трактовки “формы”. Но без такого анализа никак нельзя уверенно утверждать, что, по Бахтину, “роман Достоевского, являющийся самой жизнью, выходит за пределы литературы ...” (*Бонецкая Н. К.* Эстетика М. Бахтина как логика формы. С. 56).

ких заранее сформулированных философских предпосылок, а в результате применения в различных областях исследований внутренне единой, но каждый раз заново, причем лишь в данном частном аспекте, эксплицируемой методологии. При отсутствии формулировок общих исходных идей, системный характер придает терминологии Бахтина постоянное воссоздание разными конкретными высказываниями единого неформулируемого контекста³⁴.

Известно, что Бахтин рассматривал язык вообще «не как систему абстрактных грамматических категорий, а язык **идеологически наполненный**, язык как мировоззрение и даже как конкретное мнение» (ВЛЭ, 84). Подойти с такой точки зрения к языку работ самого ученого означает, по-видимому, — выявить внутренние семантические связи между важнейшими словами и выражениями, имеющими в его текстах статус терминов³⁵. Реальное значение последних, по-видимому, и прояснится в контексте этих связей³⁶.

Напротив, убеждение в том, что в «мире Бахтина ... нет симметричной соотносительности понятий и положений, нет даже терминологической четкости (терминологический “импрессионизм”), зато присутствуют темноты: провалы и зияния»³⁷, легко может привести к подмене действительной системности этого «мира» желаемой или приемлемой для исследователя «целостностью». Из подобных предпосылок «выводится», например, такое частное проявление «руководящих идей»: «Автор, выполняя функцию завершения и оформления героя, в то же время входит своим голосом и своим кругозором в голос и кругозор героя»³⁸. Нетрудно заметить, что в этой формулировке Автор-творец смешивается со «вторичным автором», а «голос» с «точкой зрения» (или кругозором), тогда как “импрессионистичный” Бахтин в обоих случаях разграничивал смежные понятия.

На почве идеи «метафоричности» понятий, образующих фундамент основных научных концепций Бахтина, раскрыть их внутреннюю взаимосвязь невозможно. Например, в одной из новейших работ выдвигается задача рассмотреть две главные книги ученого «как единое целое». Используемый метод — сравнение подборок наиболее репрезентативных (с точки зрения исследователя) цитат из этих книг. Вот результат сравнения: «Итак, мир Достоевского, его вселенская церковь, дан Бахтиным, как чистая и незавершенная сфера идеи (Д, 143), как жизнь души, стоящей на пороге “последних вопросов”; а мир Рабле, его народное тело, — как вещественный мир, где жизнь вечно “неготового” тела запечатлена как бы на пороге, в “самый момент перехода и смены” (Р, 92). Что же может объединить эти два мира и упразднить существующий между ними порог? По Бахтину, таким объединяющим началом оказывается карнавальный смех...»³⁹.

³⁴ Ср. подход к проблеме системности “ведущих идей” научного творчества Бахтина в кн.: *Zylko B. Michał Bachtin*. Gdańsk, 1994.

³⁵ Ср.: *Садеецкий А.* Диалогическое становление (Слово Бахтина в оригинале и в переводе: проблемы дискурсивной аксиологии) // Бахтинский тезаурус. М., 1997. С. 17—132.

³⁶ См.: *Тамарченко Н. Д.* Поэтика Бахтина: уроки бахтинологии. Обоснованию такого подхода к предмету посвящена значительная часть материалов “Бахтинского тезауруса” (М., 1997).

³⁷ *Шульц С. А.* Проблема целостности научного творчества М. М. Бахтина и идея ответственности // Филологический вестник Ростовского государственного университета. 1998. № 2. С. 13. Постановка проблемы научного языка Бахтина в упомянутых выше работах здесь совершенно не учтена.

³⁸ См.: *Шульц С. А.* Указ. соч. С. 16.

³⁹ *Тахо-Годи Е.* «Поэтика порога» у М. М. Бахтина // Она же. Великие и неизвестные. СПб., 2009. С. 615, 618.

Как видно, сравнение проводится без попытки выделить научные понятия, на основе «образных выражений», а приводит оно к утверждению, которое прямо противоположно исходному тезису о «едином целом»: странный вид имеет целое, составные части которого разделяет нуждающийся в упразднении порог. И действительно, несколько дальше оказывается, что две книги содержат абсолютно взаимоисключающие миры, которые соединены лишь «непрочной бахтинской перекладиной», подменяющей собою идею «всеединства»: «Может ли объединить карнавал или диалог, или хронотоп эти два полюса — материально-телесный “земной рай” Рабле, где “качает черт качели” (Ф. Сологуб) гротескного верха и низа, и неовеществленный “духовный ад” Достоевского. . ?»⁴⁰. Отрицательный ответ на этот вопрос вполне очевиден.

2

В области «эстетики словесного творчества» интересующие нас семантические связи строятся, надо полагать, с одной стороны, **вокруг феномена художественного произведения как результата «встречи сознаний» автора и героя**. Средоточие всех понятий, связанных с этой проблемой, — категория «завершения», т. е. понятие об *эстетически значимой границе* между миром героя и действительностью Автора-творца и читателя. С другой стороны, «**ядро**» этой системы в неменьшей степени — **проблема романа**, т. е. такого типа произведения, который является живым опровержением классической эстетики, ибо строится на **разрушении границ художественного целого, на незавершенности**⁴¹.

Принято считать, что любая система идей как таковая — результат развертывания и конкретизации одной исходной идеи-прообраза: такова, например, гегелевская философская система. Иначе говоря, согласно господствующим представлениям, всякая система идей *гомогенна*: ее аспекты и составные элементы имеют один общий источник.

Существует и попытка решить проблему единства научного творчества Бахтина именно с такой точки зрения. По мнению известного исследователя, изначальная «идея» («в платоновском — отчасти и в бахтинском смысле») — «образ бытия как этической вселенной, где индивиды связаны нравственными связями» или вкратце — «бытие-событие». И эта «конкретная интуиция бытия» прошла в творчестве ученого несколько «стадий логического развития»: «поступок, диалог, карнавал как “веселая преисподняя”» или, в других формулировках — стадия «пред-диалогическая, диалог, вырождение диалога в карнавал»⁴².

На наш взгляд, изложенная концепция — вполне принципиальная и последовательная **монологизация** творчества Бахтина: при всех попутно сделанных оговорках о его *диалогичности*, в качестве определяющей его раз-

⁴⁰ Там же. С. 620.

⁴¹ На этом основании некоторые исследователи говорят о том, что переход к изучению романа связан у Бахтина с негативной оценкой «феномена завершения». См.: Грюбель Р. Проблема ценности и оценки в творчестве Бахтина // ДКХ. 2001. №1. С. 59.

⁴² Бонецкая Н. О единстве творчества Бахтина // The seventh International Bakhtin Conference. В. 1. Moscow, 1995. P. 195—198.

вите подспудно используется категория *диалектики*⁴³. Между тем, хорошо известно, что для Бахтина принципиальным было как раз противопоставление диалектики диалогу. Разумеется, на это можно сказать, что ученый проявлял непоследовательность, опровергая (невольно) собственные глубоко продуманные идеи. Но в таком случае концепция «диалектического саморазвития» творчества Бахтина нуждается в дополнительной основательной аргументации.

Однако, представление об исходящей из одного и единственного источника и *саморазвивающейся* системе в любом случае нельзя считать единственно возможным. Известно, что, по Бахтину, сложная и многосторонняя целостность некоторых явлений культуры, в частности, словесного творчества может быть результатом сближения и взаимообогащающего влияния разнородных источников, т. е. она может иметь *гетерогенную* природу. Об этом свидетельствует, например, его мысль о *трех разных корнях* европейского романа.

Такова же, на наш взгляд, и система идей самого ученого: она сложилась не путем «выведения» многообразных понятий и трактовок конкретных фактов из некоего единственного исходного принципа, универсальной категории или из одной (пусть даже внутренне противоречивой) модели-прообраза. Наоборот, она формировалась в процессе соотнесения самостоятельных и самоценных идей относящихся к разным областям науки, в ходе сопоставления и сведения друг с другом различных исходных принципов и моделей и открытия в них никем не предвиденного родства.

Иными словами, мы предлагаем **гипотезу о «двойном центре», о взаимодополнительности** (не вообще, разумеется, а в системе идей Бахтина) **категорий «завершения» и «незавершенности»**, казалось бы, взаимоисключающих.

В пользу такого предположения говорит та часть работы «Автор и герой в эстетической деятельности», в которой Бахтин стремится «дать общую формулу их взаимоотношений». Герой должен быть незавершенным для себя, в собственном кругозоре: «Своею завершенностью и завершенностью события жить нельзя, нельзя поступать; чтобы жить, надо быть незавершенным, открытым для себя... надо ценностно еще предстоять себе, не совпадать со своею наличностью». Но автор, как сказано чуть выше, «ориентирует героя и его познавательно-этическую ориентацию в принципиально завершенном мире бытия, ценного помимо предстоящего смысла события самим конкретным многообразием своей наличности» (I, 95). Взаимодействие позиций незавершенного изнутри героя и завершающего его извне автора и есть та встреча сознаний, которая создает форму художественного целого.

При этом имеется в виду как будто лишь один возможный вариант этого взаимодействия и его результирующей формы: «Сознание героя, его чувство

---

⁴³ Еще более удивительный пример такой монологизации — книга А. Калыгина (Калыгин А. Ранний Бахтин: эстетика как преодоление этики. М., 2007), в которой единственной формой воплощения автора в любом произведении признается «лирический герой», а отсутствие в работах Бахтина прямой констатации этого факта считается достаточно убедительным свидетельством попыток ученого решить собственные сложные этические проблемы посредством создания особой системы эстетических идей.

⁴⁴ «...диалог противостоит любому отождествлению единства и единственности, что и является... базовой характеристикой монолизма» (Гиришман М. Очерки философии и филологии диалога. Донецк, 2007. С. 54)

и желание мира — предметная эмоционально-волевая установка — со всех сторон, как кольцом, охвачены завершающим сознанием автора о нем и его мире: самовысказывания героя охвачены и проникнуты высказываниями о герое автора». Именно такова «общая формула основного эстетически продуктивного отношения автора к герою» (I, 95—96).

Однако тут же сообщается и о «трех типических случаях отклонения от прямого отношения к герою», связанных с утратой «ценностной точки вне-находимости». К одному из них («герой завладевает автором») «относятся почти все главные герои Достоевского» (I, 99—101). И это отнюдь не случайно: в написанной вскоре Бахтиным книге о творчестве этого романиста утверждается, что сознание героя охвачено не завершающим сознанием автора, а его же (героя) самосознанием.

В этой ранней работе соотнесение двух эстетических норм только намечено, но в последующих трудах ученого оно многократно воспроизводится в различных вариантах, что придает ему поистине универсальное (в рамках творчества Бахтина) значение. В книге о Рабле оно проявляется в противопоставлении «классического» и «гротескного» образов тела, в статье «Эпос и роман» — в характеристике «зоны максимально близкого контакта» при построении образа героя в романе и самого этого героя как несовпадающего с собой (именно в конечном счете, в структуре «целого героя») по контрасту с «абсолютной эпической дистанцией» и тождеством себе эпического героя. Наконец, такова же логика и противопоставления романа другим жанрам: «в установке на завершенность выражается классичность всех нероманных жанров» (ВЛЭ, 464).

Если рассматривать важнейшие идеи Бахтина не изолированно, а в соотнесенности друг с другом, определяющая значимость в его творчестве **допущения двух сосуществующих и взаимодополнительных эстетических норм** становится очевидной.

Приняв за исходный пункт логического развертывания «эстетики словесного творчества» новую концепцию «художественного произведения в слове» (оригинальную трактовку категорий формы, содержания и материала, автора и героя), мы видим, что его следующий пункт — решение проблемы типических вариантов художественного целого, т. е. жанров, в особенности жанра романа (понятия «стилистической трехмерности», «незавершенного настоящего» и «зоны контакта»). Каждое из этих понятий раскрывается у Бахтина и в аспекте исторической поэтики (в работах о слове и о хронотопе в романе). Наконец, в исторической перспективе ученый осмысливал судьбы романа в категориях философии культуры («гротескный реализм» и «карнавализация»).

Сказанное характеризует, конечно, не логику творческого процесса Бахтина и не изначальный «каркас» его философской эстетики, а логику взаимосвязей, сложившихся уже в *результате* разработки им различных проблем и аспектов заново создаваемой «эстетики словесного творчества».

Предложенное понимание системности идей и понятий, относящихся у Бахтина к этой научной дисциплине, как мы надеемся, послужит более обоснованному и адекватному прочтению важнейших текстов ученого. И тогда окажется, что продуманное и корректное (а не поспешное и вульгарное) применение его идей и методов в конкретных литературоведческих исследованиях не только возможно, но и исключительно плодотворно.